

История № (отрывок)

Глава 1

Проходя сквозь высокие стёкла, скатываясь с подоконников и застывая на полу полосами яркого света, в университет пробиралось солнце. На секунды захватывая в эти полосы шумные компании студентов, солнце отдавало остатки сентябрьского тепла. Озаряя людные коридоры и широкие лестницы, солнце манило за пределы величественного здания, туда, на воздух, на свободу. Приглашало немного прогуляться по проспекту и, может, заглянуть в тихие кофейни или полупустые ресторанчики, теснившиеся на первых этажах старых домов вместе с магазинами одежды и отделениями банков.

Выбраться на улицу, подышать воздухом, насладиться последними тёплыми деньками – в этом и состоял наш план. А пока, окружённые шумной толпой, мы с подругой спускались на цокольный этаж университета, в гардероб, чтобы потом не спеша, разговаривая, направиться в тренажёрный зал.

Вокруг кипела жизнь. Обгоняя и задевая друг друга, поспешно извиняясь, громко смеясь и увлечённо обсуждая последние новости, студенты нашего института тоже спешили занять место в традиционно длинной очереди за одеждой. А некоторые, которым ещё предстояло отсидеть за закрытыми дверями просторных аудиторий положенные по расписанию пары, не менее воодушевлённо шагали в соседствующий с гардеробом буфет, из которого аккуратно, деликатно выбирался манящий аромат свежей выпечки, строя свои планы на неизменно голодных студентов.

Мы с Женей – невысокой девушкой в свободной коричневой рубашке и такого же цвета зауженных брюках, в осенних сапогах из новой коллекции и с объёмной чёрной сумкой через плечо – уже почти было спустились в гардероб. Я на ходу сняла рюкзак, собираясь достать из внешнего кармана бирку от одежды, но меня вдруг схватили за локоть с явным намерением вывести из толпы. Я обернулась. Стоящая позади Женя кивнула в сторону окна. Мы отошли в сторону, освобождая проход бурному потоку студентов.

– Слушай, – она виновато взглянула на меня и поставила на подоконник сумку. В руках её был телефон. – Тут написали сейчас: поставили срочное собрание актива. Ну, просят всех, кто ещё здесь, подойти. Ты подождёшь или в тренажёрку пойдешь?

Я непринуждённо пожала плечами, закидывая бирку обратно в рюкзак.

– Подожду, конечно. Вас же там не будут целый час держать.

Женя с благодарностью кивнула, быстро отправила сообщение о том, что придёт, а потом убрала телефон в карман брюк, и мы, время от времени кивая проходящим мимо знакомым, стали подниматься на третий этаж.

Актив нашего института насчитывал человек тридцать-сорок. Женя, изначально поставившая цель брать от студенческой жизни всё, что только можно, пробила туда в самом начале первого курса, а я, сходяв на одно собрание, как-то не втянулась и предпочла отдавать свободное время рисованию, а потом, когда меня настиг творческий кризис, – чуть ли не круглосуточному просмотру сериалов.

С самой Женей я познакомилась на третий день обучения в университете. Ещё в августе прошлого года, увидев свою фамилию в списке поступивших и испытывая нечто среднее между облегчением и восхищением, я торжественно пообещала себе перестать шарахаться от людей, что делала все одиннадцать лет в школе, найти кучу друзей и в общем оправдать все свои представления о яркой студенческой жизни. Именно поэтому, зайдя в аудиторию тогда, в начале прошлого сентября, и увидев Женю, сидящую в одиночестве, я без раздумий направилась к ней. С тех пор мы стали друзьями.

Человеком она была ярким, я бы даже сказала – харизматичным, и привлекала внимание практически любого. Изначально её запоминали, как ни странно, благодаря волосам – кудрявые от природы, они не укладывались совершенно и создавали «какой-то первобытный объём», напоминая в большей степени пушистое золотисто-каштановое облако, чем что-то, более-менее похожее на причёску. Каждый раз, когда Женя глядела на себя в зеркало, взгляд её тёмно-зелёных глаз, немного необычный из-за чуть нависшего правого века – последствия давней операции – выражал истинное страдание. Страдание часто сопровождалось вздохами, жалобами, угрозами волосы выпрямить, отрезать, перекрасить во все цвета радуги и сотворить ещё кучу всего, однако в конечном итоге, после моего неизменного «Да нормально всё, пойдём», подруга обречённо вздыхала и ничего из сказанного так и не делала.

Впрочем, причёска была не единственным, благодаря чему Женя запоминалась людям. Она могла поговорить с любым человеком на любую тему, она стремилась помогать всем и каждому, участвовала везде, где предлагали, и старалась развиваться во всех возможных направлениях – фотография, рисование, танцы, музыка, волонтерство, школа лидерства, школа фэшн-развития, школа вожатого, школа социального проектирования. Неудивительно, что у неё в запасе всегда было огромное количество историй, которыми она радостно со всеми делилась. Помимо всего прочего, она была одним из лидеров в нашей группе по успеваемости, сдала обе сессии в прошлом году на все «отлично» и поддерживала в учёбе всех одноклассниц без исключения – кого морально, а кого и делом. Преподаватели, смотря на неё, как один утверждали, что она должна быть для

полного комплекта ещё и старостой, но сама Женя отмахивалась и старостой быть не соглашалась.

Одним словом, скучать с ней никому не приходилось, и я вот уже второй год благодарила судьбу за то, что именно мне посчастливилось стать её близкой подругой.

Уворачиваясь от сумок и пакетов и лавируя в шумном людском потоке, мы поднялись в холл третьего этажа. Народу там было достаточно: человек двадцать чего-то ждали у закрытых дверей Большого актового зала, на скамейках у противоположной стены расположились активисты. Многие из них были одеты в чёрные кофты с логотипом нашего института – эта одежда была их отличительным знаком. По лестницам и коридорам перемещались группы студентов, и до нас долетали обрывки разговоров о преподавателях, обсуждения прошедших пар и сегодняшнего меню в столовой.

Стоило нам с Женей чуть отойти от лестницы, нас тут же заметили активисты и приветственно замахали руками, широко улыбаясь. Мы подошли к компании и устроились на одной из более-менее свободных скамеек – только с краю сидел какой-то кудрявый парень, видимо, тоже из актива.

К нам тут же подбежала активистка с третьего курса – кажется, её звали Ксюша – и села по другую сторону от Жени. Между девушками тут же завязался оживлённый разговор о разработке мероприятий на следующий месяц, весьма быстро перешедший, впрочем, на тему прошедшей у Ксюши летней практики, а потом и экзаменационной сессии. Как только обсуждение сессии дошло до ключевого её этапа – последней ночи перед экзаменом – мы с Женей, усмехнулись, переглянулись и в один голос протянули:

– Анато-о-мия!

- Чего, анатомия? – не поняла Ксюша.

Подруга пустилась в объяснения.

В январе прошлого года к нам как-то незаметно, по-шпионски даже, подкралась первая в нашей студенческой жизни сессия. Самым сложным экзаменом, который, к тому же, эту сессию открывал, оказалась возрастная анатомия и физиология человека. Анатомию мы не знали. Совершенно. Наша преподавательница свою дисциплину любила всем сердцем, но изъяснялась на лекциях по большей степени профессиональными терминами, предполагая, по-видимому, что они нам из школьного курса должны быть известны. Но известны они нам не были, поэтому недели за две до экзамена наша группа впала в истерическое состояние, и все начали судорожно заучивать записанные кое-как лекции. Мы с Женей, просидев над перепутанными конспектами немалое количество времени, выучить абсолютно весь материал всё же не успели, поэтому в последний день перед экзаменом отказались от еды, воды и остальных проявлений

нормального человеческого существования. С самого утра и до вечера мы зазубривали вес человеческого мозга в разном возрасте, строение жизненно важных систем и прочую анатомическую ерунду. В конце дня нам это надоело. Мы ушли в кино. Позже подруга сказала мне, что это было гениальным решением, потому что иначе наш перегруженный информацией мозг в день экзамена точно всё бы перепутал и выдал откровенную чепуху.

Ну, а после сеанса, чуть более воодушевлённые, чем до него, мы отправились учить дальше. Я осталась у Жени дома, мы чуть ли не ежечасно пили кофе, всё равно засыпали, потом принимались приседать, чтобы не уснуть окончательно, писали шпаргалки на всякий случай и, конечно, призывали халяву, как и полагается любому уважающему себя студенту.

Сдали в итоге обе на «отлично».

Именно с тех пор слова «кофе» и «анатомия» стали для нас примерно одним и тем же.

– Я о кофе даже слышать больше не могу, – со смехом подытожила Женя. – Да и вообще, по-моему, после той ночи, он на меня не действует.

– В следующий раз пейте энергетики, – вдруг назидательным тоном произнёс кто-то.

Я чуть подалась вперед и увидела, что кудрявый парень, сидящий на скамейке рядом с нами, улыбается в ответ на женину историю.

Почти сразу же завязался спор. Спорщики разделились на два лагеря: девушки утверждали, что энергетики – это полная ерунда и гарантированный вред и без того страдающему организму, а парень ни за что не соглашался и говорил, что оба напитка вредны одинаково, так что разницы, какой из них употреблять во время бессонных ночей, в общем-то, нет. Я, искренне наслаждаясь теплом – мы вчетвером сидели прямо у окна, позволяя солнечным лучам согревать нас, – ни одну из сторон не занимала.

Мимо нас, направляясь в свои аудитории, неспешно проходили студенты, болтая о своём, и я, краем уха слушая огромный поток аргументов относительно энергетиков, вдруг подумала о том, как же много таких интересных историй у этих людей в коридорах. Все эти истории отчаянно хотелось узнать.

Безрезультатно проспорив оставшиеся пять минут перемены, все трое, стоило звонку провозгласить начало пары, будто сговорились и повернулись ко мне.

– А я-то что? – притворно удивилась я, улыбаясь.

– Кофе или энергетики? – спросил парень, таинственно понизив голос и смотря на меня прищуренными глазами, будто гипнотизируя. Я приподняла бровь и перевела взгляд на девушек. Женя мотала головой из стороны в сторону, а Ксюша одними губами шептала мне слово «кофе».

Выдержав театральную паузу и внимательно посмотрев на каждого, я самым торжественным голосом провозгласила:

– Сон, ребята! Здоровый и полноценный.

Парень с улыбкой махнул рукой и со словами «Да ну вас!» обратил всё своё внимание на виртуальную реальность, уместившуюся в его смартфоне. Девушки же вновь заговорили о своих мероприятиях.

Поток студентов иссякал. Поднимаясь по лестницам и доедая на ходу пирожки из буфета, парни и девушки расходились по своим аудиториям. Туда же спешили и преподаватели. Минута-другая – и в коридоре остались только мы с командой активистов и ребята, стоящие у актового зала. Все они держали в руках пакеты и нетерпеливо глядели по сторонам, кого-то явно поджидая.

Вскоре коридоры опустели. Закрылись двери аудиторий, освободились лестницы, и на следующие полтора часа ко всем помещениям университета полный доступ получила тишина. Только сюда, в холл третьего этажа, она пробиться ещё не могла. Болтовня студентов пока что не позволяла ей вступить в царствование на этой территории здания.

– Ну наконец-то! – вдруг воскликнула Ксюша, увидев появившуюся в конце коридора тёмную фигуру. К своим подопечным спешила руководитель актива. Подопечные тут же засобирались. Женя с Ксюшей тоже встали со своего места.

– Надеюсь, это ненадолго, – обращаясь ко мне, не слишком уверенно произнесла Женя и, поправив лямку своей сумки, добавила ободряюще: – Ты разберись там пока со своими левиафанами.

Я с улыбкой кивнула. Собравшись, поприветствовав своего предводителя и громко переговариваясь, дружная команда активистов направилась в одну из аудиторий в конце пустынного коридора. Проводив их взглядом, я открыла браузер на телефоне, собираясь смотреть свой сериал, в котором явно назревала война между людьми и левиафанами.

Впрочем, буквально через несколько секунд левиафаны отошли на второй план.

– Ну, а ты чего?

Я оторвалась от экрана и повернула голову к почему-то оставшемуся сидеть на скамейке кудрявому парню. Он смотрел на меня пристально, изучающе. Чувствуя себя неловко под таким взглядом, я скованно улыбнулась.

– А что я?

Он улыбнулся в ответ, смотря мне в глаза.

– Не активист, значит?

– А-а, нет, – я беззаботно махнула рукой и кивком головы указала на телефон.
– Вся моя активность – в просмотре «Сверхъестественного».

Парень с усмешкой протянул мне руку.

– Костя.

– Наташа, – протягивая ему свою, представилась я. – А ты, что ли, тоже не в активе?

– Да я вообще не из этого института, – сказал парень, прислоняясь к стене, деловито складывая руки на рюкзак, лежащий на коленях, и вновь принимаясь беззастенчиво меня изучать.

Не привыкшая получать столько внимания к своей персоне, я на секунду опустила взгляд, приказывая себе сконцентрироваться. Шёл второй год обучения в университете, но иногда мой настрой на «перестать шарахаться от людей» всё же давал сбои, особенно если эти самые люди смотрели так пристально или если эти самые люди являлись парнями, с которыми я вообще боялась иметь что-то общее. Впрочем, взяв себя в руки, я всё же заставила себя приподнять голову и с лёгкой улыбкой на лице посмотреть на парня в ответ.

– Чего ты тут делаешь тогда?

Костя пожал плечами и ответил неопределённое:

– Не хочу домой ехать.

После моего «М-м-м, понятно» разговор заглох. Видимо, посчитав меня безнадёжно скучным собеседником, Костя вновь уткнулся в свой телефон, а я, за неимением лучшего, постаралась как можно более незаметно его разглядеть.

Собственно, ничего особо выдающегося в нём не было – парень как парень. Тёмные, почти чёрные, кудрявые волосы, аккуратные линии лица и прямоугольные очки на носу. Ну, и ещё легкая улыбка, адресованная треснувшему в левом верхнем углу экрану. Одет он был в красную толстовку и обычные джинсы.

В конце коридора снова слышались чьи-то быстрые шаги. Несколько секунд – и в холле появился невысокий молодой человек с ключами в руках. Стоящие у актового зала ребята оживились – видимо, именно этого человека они и ждали. Он же, коротко извинившись и сдержанно кивнув всем сразу в качестве приветствия, подошёл к дверям. Щёлкнул замок, двери открылись, и все ожидавшие молодого человека студенты зашли внутрь. Простор актового зала поглотил их голоса, и в холл третьего этажа, как только захлопнулись двери, победоносно вошла тишина.

Негромко вздохнув, я обновила страницу «ВКонтакте». Новых сообщений не было, что, впрочем, меня не удивило.

Я жила в режиме ожидания. Ждала сообщений от приятелей с предложениями прогуляться, ждала анонсов мероприятий, ждала вдохновения, чтобы продолжить наконец рисовать. Ждала, пока в моей жизни появятся новые люди, с которыми можно будет создать новые истории. Само по себе изнуряющее, ожидание дополнялось ещё и моими вечными мыслями о том, что я, в отличие от той же Жени, интересным собеседником не являлась. Конечно, я могла долго и увлечённо разговаривать об устройстве жизни и законах Вселенной, но вряд ли людей это особо интересовало.

Так что, сидя сейчас рядом с этим парнем и разрываясь между желанием поболтать и неприятным чувством того, что болтать нам не о чем, я в итоге всё же приняла самое привычное для меня решение – всё же вернуться к левиафанам.

– Так себе сериальчик, кстати, – вдруг как бы невзначай бросил Костя, глядя на телефон в моих руках. – «Люцифера» лучше посмотри.

Левиафаны тут же были забыты, и я, радуясь появлению новой темы, с усмешкой отмахнулась:

– Ой, знаешь, у меня ещё шесть сезонов, так что... Потом как-нибудь.

Парень пожал плечами.

– Ну как хочешь.

Снова воцарилась тишина.

Она мне нравилась всегда, ещё со школы, но лишь недавно я поняла, что она бывает разной. В кинотеатре, на самом напряжённом моменте фильма, когда и музыка, и герои молчат, тишина одна. Она разливается по залу, объединяя эмоции всех зрителей в одно большое ожидание. Дома, когда ты уже готов заснуть, тишина другая. Она укрывает поверх одеяла, провожая в царство сна. В огромном здании университета, в учебное время, тишина снова иная. Она поднимается под самый потолок и следит за нами оттуда, наблюдает за пустыми коридорами, охраняя их, охраняя лавочки, массивные лестницы, колонны и огромную люстру в холле первого этажа.

За закрытыми дверями актового зала вдруг заиграл вальс.

Мы с Костей молчали, и мой страх докучать человеку своим обществом воевал с желанием узнать парня поближе.

После встречи с Женей, после знакомства с одногруппницами моё отношение к людям несколько поменялось. В школьные годы я с одноклассниками никогда не общалась, предпочитая отсиживаться где-нибудь в углу, и в старших классах это обыкновение стало тяжестью, которую мне приходилось носить с собой каждый день. Собственный внутренний мир, хоть и увлекал меня с головой, всё же не мог полностью заменить человеческое общение. Так что, посчитав время обучения в институте идеальным для того, чтобы избавиться от своих тараканов и стать

счастливее, я с первых же дней прошлого сентября повернулась к людям. Повернулась, крепко-крепко зажмурившись и протягивая вперёд руки. Постепенно понимая, что нападать на меня никто не намерен, я однажды открыла глаза. Вокруг меня были люди. Такие же люди, как и я, со своими радостями, со своими проблемами, со своими, конечно, тараканами. Люди не были врагами и стали носителями историй. Раскрываясь по мере общения, люди впускали меня в свои миры, некоторые из которых увлекали не меньше моего собственного. А потом, ближе к весне, пришло осознание, что чем больше историй я для себя открываю, тем счастливее становлюсь. И для меня, одиннадцать лет прожившей в своём маленьком мире, эта зависимость от общения стала пугающе сильной.

Именно поэтому, сидя сейчас рядом с Костей, я искренне хотела узнать его истории. Вот только боялась делать первый шаг, потому что всё ещё не считала своё общество особо интересным.

Вальс в актовом зале почему-то оборвался, а Костя вдруг снова повернул ко мне голову.

– Который час, кстати, не подскажешь?

Я бросила на него быстрый взгляд. Он держал в руках телефон.

– Три почти, – нажав на кнопку разблокировки на своём, сообщила я. Парень с глубоким вздохом направил взгляд в потолок.

– Ужас, – голос его передавал беспросветную скуку.

– Почему? – участливо поинтересовалась я, вытягивая из недр рюкзака работающие лишь на честном слове наушники. На всякий случай.

– Да-а, – протянул он, прикрывая глаза. – Дома до шести лучше не появляться, здесь торчать тоже не вариант. Короче, нужен мини-отель.

Я оторвалась от наушников.

– Чего?

Снова грянул вальс. Костя открыл глаза, окинул меня оценивающим взглядом, а потом зачем-то встал со скамейки.

– Пойдём, – он улыбнулся и кивнул в сторону актового зала. – Там хотя бы кресла мягкие.

Я подумала о том, что, видимо, свою порцию историй сегодня всё же получу. От этого стало как-то радостней.

Мы подошли к актовому залу. Матовое стекло дверей не позволяло толком разглядеть происходящее внутри, однако Костя, сощурившись, всё же попытался хоть что-нибудь увидеть.

– Выгонят нас, скажут, что мы шпионы, – негромко прокомментировала я.

– Ага, – подтвердил парень, улыбаясь. – Интервенты.

И он открыл дверь.

Мы зашли внутрь. Огромное помещение, в которое сквозь ряд просторных окон свободно проникало солнце, было заставлено идеально ровными рядами кресел с красной обивкой. На спинке каждого кресла значился длинный инвентарный номер. С высокого потолка свисала огромная люстра, которую считал своим долгом сфотографировать каждый заходивший сюда впервые студент, а далеко впереди, на сцене, вальсировали пары. По обоим краям сцены стояло по фортепиано, а позади инструментов пестрели баннеры с надписью «М-лига КВН» и логотипом нашего студенческого клуба – верблюдом, которого все без исключения почему-то принимали за лошадь. Ряды кресел пустовали.

Пробравшись в середину предпоследнего ряда, мы с Костей устроились рядом и некоторое время молча наблюдали, как девять пар, подгоняемые громкими возгласами руководителя, буквально летали туда-сюда по сцене, лишь чудом, как мне показалось, не падая.

Стоял конец сентября. Все творческие объединения университета только-только набрали постоянный состав участников, многие из которых ещё, по сути, ничего не умели. Так что если бы какая-то пара, запутавшись в ногах и вращениях, благополучно упала бы на пол, я, думаю, не удивилась бы.

С танцами я была не знакома, в отличие, кстати, от той же Жени, которая на первом курсе ходила то ли в этот самый, репетирующий на сцене, то ли в другой какой-то коллектив. Впрочем, проходила она туда недолго: занятость в активе, постоянные мероприятия и желание урвать хотя бы немного времени для себя заставили её бросить танцы. Ну, а я эту сферу творчества вообще не понимала. В детстве я постоянно ездила в лагерь, и чуть ли не каждый день там был занят постановкой какого-нибудь номера. Тогда ещё чересчур скромная и зажатая, я неизменно отказывалась от участия и, сидя в углу комнаты, непонимающе смотрела на бессмысленную кучу движений, выполняемых девочками во главе с вожатой. Что они своими движениями пытались донести, для меня так и осталось загадкой, как и смысл танцевального искусства как такового. Иногда, надо сказать, это стремление везде и во всём увидеть смысл доводило меня до головной боли.

Вальс снова затих. Руководитель коллектива, явно сердясь, собрал вокруг себя тяжело дышащих танцоров и принялся демонстрировать отдельные элементы, что-то громко при этом разъясняя. Голос его разносился по залу, отражался от светлых стен и рассеивался в воздухе. Танцоры в ответ на комментарии молодого человека кивали. Некоторые, оглядываясь на него, уже разбились по парам и вновь пытались исполнить требуемые движения.

Я повернулась к Косте.

– Так что там с мини-отелями?

Парень оторвался от сцены, взглянул на меня, а потом поудобнее устроился в кресле, приступая к объяснениям:

- Ну, смотри, у тебя есть, например, два часа между мероприятиями. Домой ты не поедешь, потому что живёшь далеко, в гости зайти, ну, не к кому. Что ты будешь делать?

Я пожала плечами.

– Ну, кино, кафе...

Во взгляде Косте появилось что-то снисходительное.

– Ты бедный студент, – с расстановкой произнёс он.

– А, ну да... – спохватилась я.

– Вот. Остаётся торчать в универе. А с мини-отелями было бы в сто раз удобнее, – парень принялся загибать пальцы, комментируя: – Арендовать по паре квартир в разных районах, чтобы добраться быстро можно было. Там надо-то одну комнату на человека. Кровать, стол, стул, почасовая оплата. Пришёл, поспал, ушёл. Всё. Круто же!

Снова заиграл вальс. Я кивнула головой, оценив идею. Порой такого на самом деле не хватало, особенно когда отчаянно хочется тишины.

– Напиши проект, подай на конкурс, их же сейчас миллион.

– Да ну, – отмахнулся парень. – Дорого это, никакого гранта не хватит.

– А жаль.

– Ага...

Мы замолчали, вновь обращая внимание на танцоров. Их руководитель, уже не выключая музыку, носился от одной пары к другой, что-то втолковывая, яростно жестикулируя и демонстрируя идеальный, видимо, вальс. Его подопечные послушно кивали и вновь принимались танцевать, а молодой человек, скрестив руки, наблюдал за ними и через секунды вновь принимался их критиковать.

Костя, достав из кармана телефон, стал набирать кому-то сообщение, и я, вдруг вспомнив о Жене, тоже быстро написала смс: «Я в актовом, подходи, как собрание закончится», – а потом, делая вид, что чрезвычайно увлечена пейзажем за окном, вновь постаралась разглядеть парня.

Он был красив. Раньше, лет в четырнадцать, я бы непременно влюбилась – это был, можно сказать, «мой» тип. Сейчас этого не происходило – внушительное количество безответных влюблённостей в школьные годы дало о себе знать, и в

конце концов моё сердце объявило мне бойкот и ушло в бессрочную спячку. Ну, а я осознала, что во влюблённостях ничего не понимаю, и успокоилась, лишь изредка задаваясь вопросами о том, что люди делают, когда встречаются? О чём разговаривают? Как проводят время? Да и чем вообще эти отношения отличаются от дружбы, помимо очевидного, конечно?

Однажды, когда мы с Женей ночевали вместе у неё дома и разговаривали в полной темноте на тему любви и отношений, она сказала: «Просто человека своего надо найти». Я от неё только отмахнулась. Я не могла представить, что когда-то найду «своего» человека, что мной кто-нибудь когда-нибудь заинтересуется. Так что я просто оставила эту тему в списке вопросов, на которые, скорее всего, не смогу найти ответ.

Ещё через пару минут вальса и сердитых «Где твоя нога?!» и «Медленнее, видишь же, что она не успевает!» руководитель танцевального кружка с воплем отчаяния снова выключил музыку и опять принялся бегать по сцене, поправляя своих танцоров. Костя же, вновь улыбаясь, обратился ко мне:

– Так ты значит, сверхъестественным интересуешься? – он положил руки на подлокотники кресла и скрестил пальцы, вновь направляя на меня свой изучающий взгляд.

Я усмехнулась.

– Да не особо. Время убиваю, у меня творческий кризис.

Костя приподнял бровь, заинтересованный, видимо, в продолжении. Я пожала плечами.

– Я рисую вообще. Ну, рисовала. Дошла даже до выставки в Екатеринбурге, а потом как-то всё. Устала, наверное. Ну, делать нечего, сижу, сериалы смотрю.

– И давно это у тебя?

Я опустила взгляд в пол, начиная вновь корить себя за творческую хандру и совершеннейшую лень. Сколько бы я ни пыталась, карандаши, как назло, ломались, линии получались кривыми, краски расплывались, и вместо вдохновения, которое обычно приходило в процессе творчества, во мне поднималась волна раздражения, из-за которой хотелось рвать бумагу и швыряться в стену чем-нибудь тяжёлым.

– Да год уже почти, – со вздохом ответила я. Одна только мысль о том, что я вот уже столько времени ничего не делаю, выводила из шаткого состояния равновесия.

– М-м-м, – неопределённо протянул Костя. – Ну ты давай, бери себя в руки. Нарисуй, не знаю, ад какой-нибудь.

Я усмехнулась:

– Лучше уж рай.

– Рай скучный! – тут же уверенно заявил парень. – Ангелы там всякие с перьями.

– В аду зато весело! – обидевшись за рай, возразила я. – Котлы там всякие с кипящим маслом.

Костя мягко улыбнулся в ответ и спокойно спросил:

– Ну почему обязательно котлы?

– Ну-у...

– В аду кто? Правильно, грешники. А всё самое весёлое типа, не знаю, пьянок – это тоже грех. Значит, в аду – самые весёлые люди с кучей выпивки.

Я приподняла бровь.

– Ага, в котле сидят.

Умозаключения парня показались мне весьма странными.

Костя, продолжая улыбаться, сдался:

– Да ну тебя с твоим котлом!

Пару секунд мы упрямо смотрели друг другу в глаза. Я отвела взгляд первой, позволяя Косте самодовольно ухмыльнуться.

На сцене продолжал твориться хаос. Понаблюдав ещё немного за чересчур нервным руководителем, мы сошлись на мнении, что руководитель этот руководить совершенно не умеет, потому и танцы у его подопечных получаются какие-то странные.

На очередной паузе в поднадоевшем вальсе Костя в шутку предложил мне нарисовать танцоров, но я тут же замахала руками, и парень, изо всех сил изображая обиду, буркнул:

– Я, можно сказать, её творчество спасаю, а она... Вот не зря мне сегодня приснилось...

– Я хочу нарисовать сон, – вдруг выпалила я, перебив театральные возмущения парня. Он тут же перестал валять дурака и, глядя на меня в упор, переспросил:

– Сон?

– Ага, – я кивнула и тут же жалобно добавила: – Но идей нет вообще.

Костя вдруг улыбнулся.

– Я могу нарисовать тебе сон.

Недолго думая, он достал из своего рюкзака лист бумаги и ручку, приказал мне закрыть глаза и принялся рисовать. Моё настроение, сдавшее позиции из-за размышлений о творческом кризисе, медленно, но уверенно поползло вверх. Мне нравились такие люди. Те, которые часто улыбаются, те, с которыми можно обсуждать всякую ерунду вроде котлов в аду и не чувствовать себя при этом в крайней степени неловко. Именно с такими людьми чаще всего происходят самые интересные истории, которые я за время обучения в институте так любила.

– Вот, – торжественно произнёс спустя несколько секунд Костя, и я, открыв глаза, воззрилась на его шедевр. Посередине листа был нарисован круг, разделённый на три части. Линия, соединяющая две из них, была более жирной, чем остальные. Больше юное дарование ничего не изобразило.

– Это сон, – не слишком уверенно произнесла я.

– Сон, – с гордостью кивнув, подтвердил парень. Я посмотрела ему в глаза. Он всё улыбался, и у меня появилось впечатление, что он никогда не прекращает это делать. Надо сказать, это располагало. – Вот тут – сознание, – он подписал один из секторов. – Здесь – подсознание, а вот здесь – астрал.

Именно та линия, которая разделяла подсознание и астрал, была выделена жирным. На неё Костя и указал:

– А вот это, собственно, сон.

Кажется, своему творению он на самом деле радовался, и я не смогла не улыбнуться в ответ.

– Нет, это всё замечательно, но как...

Костя указал на меня ручкой и заявил:

– Тебе надо разобраться с тем, что сидит в твоём подсознании, тогда, может, и нарисуешь что-нибудь. Следи за тем, что тебе снится, из снов многое понять можно, – с этими словами он протянул мне листочек.

Он был прав. В моём подсознании было слишком много всего. Очень часто, на выходных, когда я с утра до вечера сидела дома, меня окутывали туманы. Так я называла пугающее состояние беспомощности, когда меня вдруг, совершенно без причины начинали атаковать вопросы, а я, стараясь дышать ровно и безрезультатно пытаюсь сконцентрироваться, не знала, что с ними делать. Вопросы были самые разные, начиная от того, когда же я перестану пластом лежать на диване и начну наконец рисовать, и заканчивая глобальными вроде смысла моей жизни или той же самой любви, которая, хоть и являлась темой пугающей, всё же меня интересовала.

Так что, убрав листочек со схемой сна, я пообещала себе подумать над собственными сновидениями, а ещё задалась вопросом: как Костя, не проговорив со мной и полчаса, догадался про бардак в моём подсознании?

Ещё какое-то время мы просидели, от нечего делать созерцая потрескавшийся потолок актового зала и подсчитывая количество кресел, которое понадобится для того, чтобы сделать из них стремянку и этот самый потолок побелить. Потом мы со смехом обсуждали, что получилось бы, если бы американское «Сверхъестественное» пересняли в России, и какие существа были бы в этой новой версии, а потом дверь актового зала с громким щелчком открылась, и к нам подошла Женя. Озадаченно посмотрев сначала на меня, потом на Костю, а потом и несчастных танцоров на сцене, она с улыбкой вскинула брови:

– Чего это вы тут делаете?

Костя округлил глаза и приложил указательный палец к губам:

– Тихо, мы шпионы, – и он скосился на меня. Я активно закивала головой:

– Интервенты.

Мы с Костей переглянулись. Адресованная мне улыбка не могла не заставить меня улыбнуться в ответ. Женя непонимающе хлопала глазами, а мне вдруг стало как-то хорошо от того, что мы, два незнакомых человека, просто дурачимся, болтая обо всякой чепухе и немного о важном. Прощаться не хотелось.

– Ну что, мы идём? – поинтересовалась Женя, глядя на меня. В руках она как обычно держала свой айфон, и я подумала о том, что было бы здорово обменяться с Костей контактами и переписываться иногда. Но сам он этого не предлагал, так что и я не стала. В конце концов, у него, наверное, были дела (или люди) поважнее.

Я кивнула Жене в ответ и встала со своего места, закидывая на одно плечо рюкзак и переводя взгляд на нового знакомого. Он, усмехнувшись, вытянул вперёд раскрытую ладонь.

– Дай пять, противник котлов.

Он тепло улыбался.

Когда мы с Женей были уже у дверей, Костя вдруг окрикнул меня. Я обернулась.

– «Люцифера» смотри!

Я с усмешкой кивнула и, на секунду задержав на парне прощальный взгляд, вышла вслед за Женей из актового зала.

– Что у вас за история со шпионами? – незамедлительно поинтересовалась подруга, стоило двери закрыться за нашими спинами.

Я непринуждённо улыбнулась:

– Да так... У вас-то что было?

Мы стали спускаться по лестнице.

– Выбирали кураторов по разным направлениям, – на пару секунд Женя прервалась, читая сообщение, а потом отправила телефон в карман. – Надо студентов задействовать в жизни универа. Ну, и я теперь от нашего актива куратор спортивного направления. Нужна массовость на многих мероприятиях: скоро соревнования начнутся, игры, надо, чтобы студенты туда ходили, команды поддерживали, – она посмотрела на меня. – Не хочешь со мной за компанию сходить куда-нибудь?

Я пожала плечами, доставая из кармана рюкзака бирку.

– Если только за компанию.

Довольная успешным началом выполнения своих новых обязанностей, Женя с благодарностью кивнула. Одевшись, мы поднялись с цокольного этажа на первый, прошли через вертушку и вышли на улицу, взяв курс на трамвайную остановку.

В глубине рюкзака, заваленный лекциями и придавленный бутылкой воды, лежал телефон, а в гигабайтах его памяти меня ждали ещё шесть сезонов «Сверхъестественного».